

В Англии ежегодно присуждается несколько крупных литературных премий: премия Хоторнден, премия Джеймса Тейта Блейка, премия имени Кэтрин Мэнсфилд, Сомерсета Моэма. Как правило, однако, присуждение премий не сопровождается в стране такой шумихой и рекламой, как, например, присуждение Гонкуровской премии во Франции или «Америкен нэшнл бук эворд» в США. Премии присуждаются здесь без излишнего шума, в газетах об этом сообщается несколькими строчками пети-та, и никакого влияния на тираж книги и на ее популярность среди читателей они не оказывают. Именно по этой причине английские литературные премии так мало известны.

Но времена меняются... В конце прошлого года в Англии учреждена новая литературная премия Национальной лиги книги («Нэшнл бук лиг прайз»). Она самая крупная: 2 500 фунтов стерлингов. Оговорено, однако, что премия присуждается писателям в возрасте старше шестидесяти пяти лет. Первый лауреат этой премии — известный поэт Джон Мейсфилд.

Как сообщает печать, в настоящее время по инициативе Ассоциации молодых писателей ведутся переговоры с некоторыми издательствами относительно учреждения новой крупной ежегодной премии в размере 5 000 фунтов стерлингов, которую будут присуждать ведущие издательства страны. Эта премия будет, по замыслу инициаторов, иметь ярко выраженный коммерческий характер и сопровождаться грандиозной рекламной шумихой; вручать ее будут в торжественной обстановке.

«Поживем — увидим, удастся ли этот план», — говорят скептики. А владельцы издательства между тем явно заинтересованы в популяризации литературных премий на американский манер, так как это сулит им оживление книжного бизнеса.

Джеральдина Чаплин

(Журнал «Ревю»)

НЕЛЕГКО БЫТЬ ДОЧЕРЬЮ ЧАПЛИНА

«Быть дочерью Чарли Чаплина... В этом, конечно, много преимуществ, но, пожалуй, и не меньше трудностей — особенно если ты собираешься стать актрисой, ведь публика ждет от тебя многого, даже слишком многого...» — так отвечала двадцатилетняя Джеральдина Чаплин корреспонденту западногерманского журнала «Ревю», напечатавшего недавно обширное интервью с дочерью известного киноактера.

«...Страшно подумать, — продолжала Джеральдина, — что до конца жизни так и не узнаешь: обязана ли ты своим успехом самой себе или фамилии, которая тебе досталась. Что думает отец о моем дебюте в кино (мне предлагают сниматься во многих фильмах), я не знаю, он очень строг и требователен. Но он имеет на это право... В общем, если я провалюсь, я просто приду к нему и скажу: не вышло, папа...»

Родителям хотелось, чтобы я окончила университет, но, видимо, наследственность взяла верх... С детства я страстно полюбила музыку и театр. А фильмы отца и теперь смотрю как замороженная, причем у меня такое чувство, что этот образец будет «преследовать» меня всю жизнь, и я

никогда не смогу избавиться от его чар. Из домашнего гнезда я «улетела» первой. За мной — Майкл, он сейчас учится в актерском училище в Лондоне. На очереди — Жозефина, самая красивая в нашей семье. Потом Викки, эта наверняка станет актрисой, у нее выдающийся талант.

С десяти до пятнадцати лет я воспитывалась в монастырской школе-интернате — мои младшие сестры тоже не избежали этой участи, — а потом училась в балетной школе. В настоящее время я живу в Париже.

На вопрос корреспондента, почему Ч. Чаплин, никогда не проявлявший особых симпатий к церкви, отдает своих дочерей на воспитание в монастырь, Джеральдина ответила:

«Все дело в дисциплине. Отец — фанатик дисциплины и «заразил» этим всех нас. Дома никто и никогда не говорил ни слова о боге, не молился и не крестился. Отец говорит, что охотно стал бы верующим, но не может им стать. Он человек без иллюзий и нас воспитывал в этом же духе. Я люблю отца и в то же время побаиваюсь. Не только потому, что он строг и настойчив — в конце концов отец всегда оказывается прав, — но главное потому, что он будет для меня вечным укором, примером и вдохновением».